

1	5
2	9
3	15
4	25
5	37
6	47
7	55
8	63
9	75
10	85
11	95

12	103
13	109
14	117
15	121
16	125
17	127
18	139
19	147
20	157
21	163
22	165
23	169
24	175
Слово автора	187

Чиу сидел на жесткой металлической скамейке в коридоре полицейского участка города К. и ждал опекуна. Сегодня ночью он как угорелый выбежал из общежития для рабочих и врезался в мотоциклиста, чем вызвал настоящий переполох. В полиции у него попросили номер телефона кого-нибудь из родителей. Юноша ответил, что его мама умерла, а с отцом связь давно потеряна. Пришлось позвонить дяде Сонхо. Сейчас Чиу бесцельно смотрел через стеклянные двери на улицу. Наблюдая, как озябшие деревья колышутся на зимнем ветру, он задремал.

Ему приснился чистый лист бумаги; он сидит перед ним, о чем-то задумавшись. Затем начинает кропотливо прорисовывать профиль птицы, подчеркивая фактуру перьев и добавляя живости маленьким черным глазам. Это была пеночка, которую он когда-то видел в энциклопедии по орнитологии. Внезапно к нему подходит какой-то мужчина, пристально смотрит на рисунок и, усмехнувшись, говорит:

— Милая собачка.

Кстати, Чиу с детства любил ластики¹. Маленькие и мягкие — они всегда легко помещались в ладонь, и к тому же стоили недорого. Даже повзрослев, он любил разминать в руке мягкий художественный ластик-клячку в моменты, когда его охватывала тоска и печаль. В те минуты перед глазами появлялась мягкая линия горизонта, которая ограждала и заземляла, и на душе становилось легче. Пусть даже ему не суждено стать выдающимся человеком, но впереди его ждет спокойная размеренная жизнь. Конечно, это было лишь мимолетное успокоение. Плохие вещи все равно случаются, а людям свойственно быстро обо всем забывать — Чиу это прекрасно знал. Ему не хватало силы духа подарить себе любовь и надежду, поэтому он пытался ставить себе задачи. Среди них — один за другим наносить на бумагу слои графитового порошка, линию за линией, а затем растушевывать. За этим делом он мог сидеть часами напролет.

— Давным-давно, когда мир не знал ни солнца, ни луны, когда не было ничего...

Последнее время Чиу часто сидел перед чистым листом бумаги и вспоминал строчки из детской книги, которую читала ему мама.

— Когда в мире не было ни ветра, ни облаков, ничего...

Бывало, его мама Чиён, стоя перед книжным шкафом в гостиной, выбирала для него книгу. Тогда Чиу подбегал к ней и просил почитать ему именно эту.

¹ Слово «ластик» (чиугэ) происходит от корейского глагола «стирать» (чиуда), первые два слога совпадают с именем героя. (Здесь и далее примечание переводчиков.)

Каждый раз мама читала с вдохновением, как будто впервые:

— Бог создал ночь. И все же, чувствуя некую пустоту, он смочил слюной большой палец и протер небесную твердь.

Взрослые всегда читали книги размеренно, с особым умиротворением. После приходило спокойствие от осознания того, что, какие бы злоключения ни ждали героев, их жизнь и жизнь самих взрослых в конце концов обретет прежний порядок. Уверенность в том, что, несмотря на череду смертей, жизнь все равно вернется на круги своя.

— А что, других историй не бывает? — спрашивал полюбивший сочинять рассказы Чиу у воображаемого взрослого.

— Каких?

— В которых никто не возвращается к прежней жизни, никто не остается в живых.

Воображаемый взрослый на миг задумался.

— Такие истории случаются, но рассказать о них некому. Есть только тот человек, с которым случилось что-то нехорошее. Как тогда людям узнать о произошедшем?

Затем он заговорил тише, словно хотел сказать что-то важное:

— Поэтому как минимум один человек должен их сохранить. Нужно, чтобы хотя бы один выжил.

Чиу отчего-то почувствовал внутреннее сопротивление и отторжение к слову «выжил». Он собирался было что-то возразить, но доносящийся издалека голос мамы вернул его к реальности.

— Давным-давно... — слышался ее напевный голос, — когда не было ничего...

Чиу прислушался.

— Бог сотворил ночь. И все же, чувствуя некую пустоту, он смочил большой палец слюной и протер небесную твердь. И оттуда...

— Откуда?

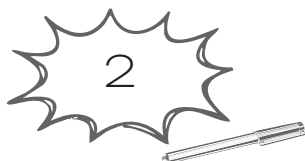
— Из тьмы пролился свет, — ответил ему ясный голос.

Охваченная усталостью и чувствуя пустоту внутри, Чиён читала эти строки вдохновенно, почти театрально. Затем она играючи надавливала большим пальцем на переносицу сына и говорила:

— Пролился свет. И появился день.

В минуты, когда повзрослевший Чиу особенно сильно скучал по недавно ушедшей в иной мир маме, когда над школьной спортивной площадкой сгущались сумерки, одолеваемый унынием и тоской, он невольно касался переносицы. А если и это не успокаивало его, он сочинял истории. Например, вот такие:

Давным-давно, когда в мире не было
ни милосердия, ни надежды, ни песен,
Бог не стал сотворять ничего,
ибо ему нравилась тьма,
которую он создал в самый первый день.
Бог спал, укутавшись в нее,
забыв, что в мире есть человек,
но нет ни спасения, ни чудес, ни добра.
Ему нравилась уютная первозданная тьма.

Сори² смотрела в потолок и думала о том, как ей не нравится просыпаться. Казалось, что история не только сбилась со своего пути, но и должным образом не закончилась. Так случилось и сейчас. Ей снилось начало осеннего семестра. Все казалось очень реалистичным, хотя с тех пор прошло уже полгода. Новенький, неловко стоящий возле доски, привычно доброжелательный голос классной руководительницы, с интересом наблюдающие за происходящим одноклассники.

О Чхэун³.

В тот день классная руководительница написала на доске его имя и велела ему рассказать о себе, упомянув только, откуда и почему он перевелся. Ему пришлось бросить занятия спортом, но разобраться, добровольно это было или принудительно, возможности не представилось. Некоторые меняют школу, чтобы начать жизнь с чистого

² Имя героини является омонимом слова «звук, голос» (сори).

³ Чхэун — имя происходит от глагола «наполнять» (чхэуда).

листа. Кому-то это давалось легко. Сори с интересом и одновременно подозрением смотрела на новенького.

— Нужно рассказать о себе, — сказала учительница. — Но есть одно правило, так что слушай внимательно. Все ведь его знают? — спокойно спросила она.

— Да, — в один голос, но довольно вяло ответил класс.

— Правило простое. Нужно в пяти предложениях рассказать о себе, но одно из них должно быть ложным. Остальные должны угадать, что правда, а что нет. Все понятно?

Новенький смущенно улыбнулся. Учительница склонилась над ноутбуком и несколько раз щелкнула мышкой. Вскоре на большом мониторе возле доски появилась следующая надпись:

Четыре правды, одна ложь.

— Сейчас мы увидим, что о себе когда-то написали ваши одноклассники. Нужно угадать, где ложь, а где — правда.

Учительница нажала на мышку, и, словно по волшебству, на экране появились пять строчек. Взгляды учеников мигом устремились к ним.

Я родился в воде.

У меня дома больше двадцати пеналов.

В хот-доге я ем только булочку, а сосиску нет.

Однажды я перелез через забор школы, чтобы догнать одноклассницу, которая мне нравилась.

Как-то раз я назвала незнакомую женщину на рынке мамой.

Учительница медленно прочитала строчку за строчкой. Ее лицо озарила едва уловимая улыбка. Ей явственно вспомнилось, как полгода назад, в начале семестра, все знакомились и пытались отгадать, что в рассказах одноклассников неправда. Когда ложь, наконец, раскрывалась, аудитория наполнялась воодушевленным смехом. Какие-то высказывания с первого же слова казались правдой, а какие-то оставались загадочными и неясными. Помню, как Сори смеялась вместе с остальными, размышляя над тем, где же скрывается ложь. Классная руководительница в тот день подробно разбирала каждое предложение, позволяя ученикам лучше узнать автора.

— Правда? А сколько тебе тогда было?

— И как звали кошку?

Так вслед за каждым предложением следовали всевозможные намеки, догадки, объяснения и уточнения, что в итоге превращалось в естественный рассказ о себе.

— Понял?

Новенький покорно кивнул, и классная руководительница спустилась с кафедры, будто приглашая его занять ее место.

— Я единственный ребенок в семье, — неуверенно пробормотал он.

Классная руководительница одобрительно улыбнулась и взглядом велела ему продолжать.

— В прошлом году я повредил ногу и бросил футбол.

Взгляды двадцати пяти учеников разом устремились на его ноги. Однако их скрывала школьная форма новенького. Может, он действительно бросил футбол, но причиной могла быть вовсе не травма.

— И дальше? — классная руководительница призвала его продолжить.

Новенький рассеянно осмотрел аудиторию, внезапно его взгляд на чем-то задержался — и на лице появилось замешательство.

— Что еще? — сказала учительница чуть громче и настойчивее.

— Я не люблю свиные ребрышки... — вновь пробормотал он.

— Так, хорошо, и? — удовлетворенно кивнула классная руководительница.

— Я...

Сори почувствовала, как атмосфера в классе внезапно поменялась. Все произошедшее до этого момента казалось реальностью. Вдруг тем новеньким возле доски стала она сама. Но отчего-то ни классная руководительница, ни остальные ученики этому не удивились. Как будто там с самого начала стояла именно она. Сори сжала губы — они словно отказывались ее слушаться. Ей хотелось высказаться. Может, потому что она слишком долго несла в душе это тяжелое бремя. Ей хотелось рассказать, как все было на самом деле. И пусть даже все сочтут это за непроглядную ложь и посмеются над ней.

— В детстве я сильно поранила ногу гвоздем.

Взгляды учеников разом устремились на ее ноги, но гольфы скрывали от них правду.

— И дальше? — сухо сказала учительница, устав от одинаковых фраз.

— Я люблю рисовать.

— Так, хорошо, и?

— Иногда по утрам мне страшно открывать глаза.

Новенький украдкой взглянул на Сори. Остальные ученики зашумели от скуки. Но классная руководительница не спешила их приструнить.

— Что еще?

Сори во сне задумчиво посмотрела на свои руки.

— Как-то раз я держала человека за руку, а потом потеряла его.

Ученики стали галдеть. Никого уже не волновало, что из услышанного — правда, а что — нет. Даже во сне Сори ощутила, как ее охватывают тоска и тревога.

— И последнее?

Сори сделала глубокий вдох и спокойно сказала:

— Я могу видеть, кому суждено умереть.

Класс разом затих, словно всех присутствующих обдали холодной водой. Но буквально через несколько секунд ученики разразились громким смехом. Сори улыбнулась, последовав их примеру, и встретила взглядом с единственным человеком, который не смеялся, — тем самым новеньким.

Чхэун почти на цыпочках прокрался в ванную и так же беззвучно вернулся в свою комнату. Или, если быть точнее, комнату двоюродной сестры Сонни, где он остановился до лучших времен. Сонно потерев глаза, он сел за стол и включил планшет. Черный прямоугольник экрана напомнил о недавней встрече с мамой в тюремной комнате для свиданий. Как ни в чем не бывало, будто они сидели в гостиной дома, она непринужденно сказала: «Если захочешь записаться на курсы, не стесняйся и скажи тете. Я потом все оплачу. Если не будешь успевать по каким-то предметам, ничего страшного. Главное — учи иностранный язык. Знаешь, в жизни так важно иметь выбор. Пусть и небольшой».

«Выбор. Глагольная форма — *choose*, существительное — *choice*, синонимы — *pick* и *select*...» Повторяя про себя эти английские слова, Чхэун открыл приложение «Английский с ветерком». Кто-то скажет, что у него самый начальный уровень, но ему пришлось приложить немало усилий, чтобы дойти до него. С раннего детства он целиком

и полностью отдавался футболу — на учебу времени не оставалось.

Примерно в то же время его отец О Кичжун ввязался в авантюру с кофейным бизнесом, и это безрассудное начинание очень скоро прогорело. Отец стал ходить по знакомым и бывшим коллегам, жалуясь и прося помощи. Однажды, вернувшись домой сильно пьяным, он заявил: «Раньше эти мерзавцы видели во мне человека, относились как к равному, а теперь пытаются мной помыкать. В разговорах чувствуется какая-то неестественность, отвратные манипуляции и ухищрения». Кто-то из его окружения преуспел, но про таких он с досадой и недовольством говорил, что даже их взгляд стал другим: «Когда человек снова и снова идет на разные компромиссы и уловки — большие и маленькие, — его взгляд сразу меняется. С этими ублюдками случилось именно это». Чхэуну казалось, что отец, как никто другой, мечтал о таком взгляде, именно так он хотел смотреть на окружающих. Он никак не мог разобраться, как отец относится к деньгам — любит их или ненавидит. Может быть, и то и другое. Примерно так же он относился к маме.

На экране в шапочке бакалавра и роговых очках появился талисман приложения — Ветерок — и весело помахал лапой. Внешне он напоминал пушистую енотовидную собаку. Как любой хороший преподаватель, помощник в приложении был терпеливым и принципиальным — на уроках не позволял отвлекаться на посторонние вещи. Каждое занятие изучалась новая тема — «Какая сегодня погода?», «Как спросить дорогу». Ничего особенного. Но некоторые, казалось бы, легкие вопросы удивляли Чхэуна и поражали своей

глубиной, заставляя врасплох. Например, «Какое ваше первое воспоминание в жизни?» или «Доводилось ли вам подсматривать за кем-то?», «Что вам нравится в вашей семье, а что нет?». В такие моменты Чхэун неловко перебирал клавиши на клавиатуре, пытаясь сложить слова в предложения. Получались они, однако, обрывистыми и неидеальными. Если перевести дословно, выйдет что-то такое: «Мое первое воспоминание — падение. Я упал со стола. Когда был маленьким. В тот момент я понял, что в мире существует пространство — высота и глубина».

Чхэун точно не помнил, произошло ли это с ним на самом деле. Или, может, он где-то услышал об этом. Как-то на уроке окружающего мира, во время просмотра документального фильма о развитии человека, его сильно удивила фраза «Человек начинает бояться высоты и глубины тогда, когда учится ползать». Он привык думать, что такие простые чувства, как страх высоты или глубины, даны человеку с рождения. Но оказалось, что нам приходится день ото дня учиться буквально всему — сидеть, стоять и даже пить. В жизни есть то, что мы знаем, но не воплощаем или не можем воплотить.

Я упал и прочувствовал это всем телом.

По мере того как Чхэун вписывал ответы, появлялся Ветерок с указкой, делал замечания и предлагал различные варианты и новые слова. Когда его ученик ошибался, он поддерживал его такими фразами:

«учить язык всегда нелегко» или «в мире нет языков, которые можно выучить, не ошибаясь». Чхэун был благодарен своему виртуальному учителю, но все же куда больше по душе ему приходились индивидуальные онлайн-занятия с носителем языка. Сейчас такой формат пользовался большой популярностью — сам выбираешь преподавателя и составляешь расписание. Но все же после долгих раздумий он отказался от этой затеи, даже не начав. И дело было не только в стоимости. Он жил у тети Тхэчжу на птичьих правах, и поэтому заниматься английским по видеосвязи и доставлять окружающим неудобства казалось ему неуместным.

Чхэун повернул голову и посмотрел на своего пса Мунчхи⁴, который крепко спал в углу комнаты, свернувшись клубком, положив морду на пол, не замечая хозяина. А может, только притворялся. Чхэун знал, что на самом деле Мунчхи защищает его. Именно он как-то летним вечером прошлого года лаял на схватившего нож отца мальчика. А потом лизал руку своего хозяина, который дрожал от страха при виде рухнувшего навзничь тела.

Чхэун снова перевел взгляд на экран. Даже если бы не совет мамы, он все равно начал бы серьезно изучать языки. Ему хотелось однажды уехать отсюда. Поиск работы был уже следующей проблемой. Он не привык мыслить в таких категориях, как «мечта» или «надежда». Хотелось просто погрузиться в изучение другого языка. В какой-то момент Чхэун подумывал о карьере на футбольном поприще. Конечно, вряд ли он стал бы

⁴ Буквально кличка пса переводится как «комоч, клубок шерсти».